

Живая кровь глубокой старины

Предрассветная тихая песнь матери

Ой, вы звёзды зоряницы, есть вас на небе три родные сестрицы, а четвёртая – доченька моя, весною рождённая, Зореславой наречённая. Вы же звёзды сестрицы счастье Зореславе соберите, а суженного добра молодца в дом наш приведите, богатством земным и небесным одарите, а здоровьем не обделите! Отцом небесным и матерью сырой землёй молю вас! Дай боже!

Встать до света и первой во всём селении зажечь огонь, иным хозяйкам на зависть и на почин, то уже была многолетняя привычка, и можно было в сей час не делать этого, ибо уж многие лета как муж ласковый сгинул, что гордился своей красивой и мудрой женою. Некому теперь похвалить, и опереться не на кого, сын один лишь был, да умер младенцем, а старшая дочь после свадьбы погибла из-за родового проклятья молодого мужа и своей беспечности. Тяжкая вдовья доля, да родичи со свояками помогают, не дают голодать. Дочку младшую удачно замуж нужно отдать, вот ведь забота! Переезжей свахе платить надобно, а в доме ведь нет почти ничего ценного. И парней нет годных во всей округе, были добры молодцы да полегли прошлым летом в лихой сече братоубийственной, мстили полянам за обиду племени да сложили головы свои молодые в могилу высокую. Ох, беда, беда, слёзы горькие девам, матерям и жёнам!

- Матушка! Мне сон приснился дивный! – неожиданно тихо подошла к очагу дочка, испугав хозяйку, – Приснилось мне, что Радимирьвернулся, да пришёл ко мне свататься, золотые обручья и золотые кольца принёс, а на свадебное платье – паволоки!

Зореслава прижалась к матери, заглядывая ей в очи, у самой же взгляд озорной, весёлый, свет очага в светлых очах отражается волшебными искорками.

- Забудь про Радимира, доченька! Ужбольше пяти лет прошло, как пропал он. Сгинул в чужой стороне, а сердце твоё не отпускает. Мало ему, что сестру твою погубил...

- Так он ведь не виновен, матушка! Она сама его предупреждения не послушала!

- Ладно, доченька, тебе спать ещё пора, сегодня много будет работы в поле, а мне на молодой Месяцпосмотреть нужно, заговор заповедный прочитаеть, вот он уж скоро появится на небе. Поспи, отдохни, пока ты в девках ещё!

- Но ведь сказал вещий старец, что Радимирь вернётся!

- И вещие старцы иногда ошибаются, доченька! Поспи до рассвета!

Зореслава ушла досыпать, горько обидевшись, но хоть слёз не успела разглядеть в материнских очах. Ох, беда! Радимирь тот был из знатного рода, сам красив, статен, умён и ловок. Приглянулась ему гордая красавица, прислал он сватов с дорогими подарками, но материнское сердце не обманешь. Ещё совсем малой девочкой на свадьбе старшей сестры Зореслава от жениха очей не могла отвести, дорогие заморские кушанья словно и не замечала на праздничном столе. Уже тогда сердце материнское дрогнуло, а разум беду предвещал, да не оттуда беда пришла, как подумалось.

Утром перед венчанием поведал Радимирь своей невесте, что после свадьбы нельзя ей будет купаться в речке с подругами, ей на глубину заплывать нельзя, ибо связана теперь она теперь с ним крепкими семейными узами, живой кровью любви. Поссорились в далёкую старину его прадеды с вилиями, а те проклятье на его род наложили, теперь ни в реке, ни в озере, ни в море нельзя к глубоким водам приближаться. Тоже потом говорили и его родители, когда увёз жених молодую невесту в свой дом, но она ослушалась.

Приехала на пару дней погостить к матери, да захотела погулять с подружками, и сестрицу младшую с собой взяла. Вечерлетний был жарким, подруги искупаться решили, и её зовут, в прохладной воде плескаясь, она же на берегу стоит, лишь отшучивается,

они же смеялись над ней. Просила младшая сестра не слушать девиц и в родной дом пойти, но не утерпела горделивая, скинув платье в речку зашла, а после и на стремнину заплыла. Тут вдруг воды потемнели, а закатное солнце померкло, из глубин же смех послышался страшный, от которого кровь застыла в жилах у подружек. Испугавшись, стали они быстро плыть к берегу, да не все смогли выбраться. Услышав крик сестры, Зореслава бросилась в воды тёмные, которые вдруг окрасились синим пламенем, это вилии знак смертный по воде начертили. Утонула красавица, и солнце вновь засветило на небесах, и плакали девки на берегу, а Зореслава чувств лишилась.

Отец и мать были горем убиты, забыли к Радимирию и злую весть послать, от чужих людей он узнал лишь на другой день, сразу примчался на взмыленном коне, да только не вернуть уж было молодую жену, даже и похоронить не смогли. Всем селением искали тело утопленницы, но не нашли, отец же с посохом в руках девять дней вдоль всей речки ходил, искал останки любимой дочери. На десятый день ночевать отец домой не вернулся, утром же нашли его на берегу реки мёртвого, а в руке у него перстень медный был зажат, а на том перстне Зореслава знак опознала, что вилии по воде написали. Ох, беда, беда горькая, но продолжились горести.

После похорон взял Радимирь тот проклятый перстень и поехал в Здвижев к вещему старцу спросить совета, но тот не смог ничем помочь, а посоветовал поехать к чародею Святодарув славный град Троянов. Ведь Радимирь надеялся, что всё же сможет спасти молодую жену, похищенную вилиями. Из Троянова ехали купцы, да передали весть и низкий поклон отцу молодца, сам же он отправился далеко на запад, в горы Карпатские, там сказывали жил чародей, что может заговорить духов вод, но не вернулся Радимирь в родной край, а что с ним случилось так и до сего дня неведомо. Уж и родители со своим сыном мыслями простились, но не может забыть его сердце девичье, все вспоминает о нём наяву, да во сне с молодцем разговаривает. Уговорила прошлым летом Зореслава матушку сходить к вещему старцу в Здвижев, спросить, не вернётся ли Радимирь. Старец Ярунпринял их строго, про перстень проклятый вспомнил, он же советовал его отдать обратно в речку вилиям, и предсказал, что не увидать уже на белом свете молодой жены Радимирию, но не послушал его гордый муж. «Жив и здоров он...» - сказал вещий старец на прощание, - «Вернётся домой следующим летом, а вы молитесь за него, ибо много опасностей его подстерегает!»

Возрадовалась юная Зореслава, и тогда же заговорила о том, не захочет ли Радимирь по возвращению на ней самой посвататься, ведь лицом и станом вся в сестру пошла. И снова дрогнуло материнское сердце, ведь красивой выросла девица, красотой своей всех подруг превзошла, уж скоро замуж отдавать, а непутёвый Радимирь неведомо или воротится, а если и объявится, то захочет ли вновь с их родом связываться? Лето прошло, но не вернулся он, и женихов уж нет.

Тонкий золотой серп молодого місяця повис над посветлевшим краєм восточных небес, холодные звёзды равнодушно мерцали над ним. Низким поклоном принято встречать новый месяц. Как впервые взойдёт он на небо, то и обратиться к нему можно с чистыми помыслами.

Ой ты молодой князь месяц Вересень! Ты в мире мёртвых бываешь, души умиротворяешь, ночью свет небесам даришь! Отведи от сердца моей дочери, весною рождённой, Зореславой наречённой, злую любовь к молодцу Радимирию, живому или мёртвому! Отцом небесным и матерью сырой землёй молю тебя, молодой князь серебряный месяц Вересень! Дай боже!

Утренняя песнь юной девы

Когда Зореслава проснулась матери в доме не было. Свежий хлеб лежал на столе, наполняя светлицу нежным запахом печёного теста, от которого прямо слюнки текли, но девушка всё ещё пребывала во власти недавних сновидений. Она снова прилегла и укрылась одеялом. Повинуясь стыдному желанию, рука потянулась к лону, дотронулась до запретного цветка. Образ красавца Радимирия затуманил разум, сладкая нега переливалась по телу.

«Где же ты, любимый мой?» - шептали девичьи уста, - «Старец Ярун сказал, что ты жив и летом вернёшься. А лето прошло, но может бабьим летом?»

Скрипнула дверь, мать зашла в дом. Зореслава притихла, притворившись спящей.

- Вставай, доченька! Уже солнце высоко поднялось! Пора вставать, покушать свежего хлеба да за работу приниматься!

- Да, матушка! – словно только проснувшись, потянулась, вставая, девица.

- Сегодня капусту квасить будем, уже месяц на прирост пошёл. А завтра всю морковь собрать нужно, скоро дожди начнутся холодные. Сказывает бабка Кротиха, что вещий старец захворал в Здвижеве. А ей вчера вечером о том сын поведал, что с купцами ездил на торжище. Совсем плох старец Ярун, не ест ничего уж десяток дней, только воду пьёт, сказывают, что помрёт скоро, а сам же он говорит, что время его не пришло. Три года, говорит, жить ещё буду, вот как ученика выучу, так и помру. А ученика то нет у него! Так бывает, что ведуны долго мучаются, если не успели знания и силу свою ученику передать, умереть не могут, тогда над ними крышу разбирают, иначе не отойдёт к праотцам. Ой, беда, беда горькая!

- Жалко его, матушка! Он ведь всю правду знал, целый век всему племени помогал советом.

- Совсем стар и слаб он, доченька, ему не верят люди после той беды, что тем летом случилась. Не остановил неразумных, не усмирил буйные головы.

- Так ведь он же и остановил бедствия, матушка! И волхвов межанских он же призвал, и князю перечил.

- Не бабам и не девкам о том судить, доченька, то мужей разумения, но люди старцу не верят. Пойди уж во двор, поклонись солнцу.

Зореслава не стала спорить с матерью, вышла из дома и низко поклонилась солнцу, коснувшись десницей земли.

Солнышко ясное красное! Освещаешь ты горы и долины, и высокие могилы! Освятили личико моё, чтобы оно было ясным и красным, как у тебя. И ещё, прошу тебя, солнышко! Освяти путь домой молодца Радимирия, сына Ярволода, из рода Радомысла! Убереги его от несчастий, солнышко! Дай боже!

Полуденная песнь уставшего путника

Солнце красное! Ты высоко летишь, ты всё видишь, ты всё слышишь, освяти своими лучами ясными мою дорогу, убереги меня от беды и напастей! Дай боже!

К полудню пришло время дать коню отдохнуть и водицы попить, да и самому не мешало бы краюху хлеба пожевать. Уже месяц Вересень пришёл, а солнце в небесах такое жаркое, словно Серпень в самом разгаре, в седьмой пот прошибает. И самому пить захотелось, пора флягу наполнить студёной водой. У широкого ручья хотел спешиться путник, новдруг заметил впереди на дороге пятерых всадников, неспешно ехавших с запада. Тут уж не до привала, встретить среди леса одному пятерых лучше верхом на коне, а другой ручей по дороге всегда найти можно будет.

«Не пешком я иду, на чёрном коне еду, сухой гадюкой погоняю, всем своим неприятелям и супостатам очи и рты затыкаю. У гадюки хвост, у жабы чрево, чтоб проехал я междуэтих людей как меж сухим деревом!» - молился про себя путник, приближаясь к встречным, что осадили коней среди дороги, а то есть плохая примета. Ближе подъехав, он увидел, что всадники не вооружены, только у старшего, крепкого седовласого мужа, который был в дорогах одеждах и высокой шапке, на поясе висел длинный меч в богатых ножнах. Седовласый поднял правую руку, что означало и приветствие, и знак остановиться.

- Доброго дня, путник! – сказал старший, прижав руку к груди.

- Доброго дня, добрые люди! – ответил путешественник, прижав руку к груди и склонив голову в знак уважения.

- Издалека ли путь держишь, и какого ты роду, племени, добрый муж?

- Меня звать Волчко, я сын Судислава из рода Громобоя, из племени радимичей. Был я в краю древлян, у вещего старца, что живёт во Вручеве по велению отца своего. Теперь вот еду в город Здвижев, к вещему старцу Яруну.

- А меня зовут Ярволодом из рода Радомысла, а со мной мои племянники. Да только не примет тебя вещий Ярун. Занемог старец, никого не принимает, даже мне отказал. Бабы брешут, что помрёт он скоро.

- Скорбную весть вы мне поведали.

- Все мы смертны, видать и его срок пришёл. Всё племя меничей скорбит по старцу Яруну, хоть и жив он ещё, а ученика у старца не было.

- Значит не судьба мне с ним встретиться, и не смогу теперь исполнить отца повеление.

- На то воля богов, и нет в том твоей вины, отец же тебя не осудит. А не слышал ли ты в путешествии своём о Радимире из племени меничей?

- Это не тот ли Радимирь, что вилий перстень нашёл?

- Тот самый! Что с ним?

- Слышал я о том, что был он в Троянове, а потом в Карпатские горы поехал. Оттуда же на озеро Святись отправился, прыгнул с высокой скалы в воду и утонул, а тело его не нашли. Коня же местные жители не смогли поймать, не давался он им в руки, даже самым искусным наездникам. Озеро то называют Святись в память о добром молодце, который точно так же в старые времена утонул в том же озере. О том во Вручеве гости сказывали, что прибыли из Волина.

Помрачнел седовласый муж и снял свою шапку. Только теперь догадался путник, что Радимирь был его близким родичем.

- Скорбную весть ты принёс, Волчко. Теперь тебе нужно с нами поехать, сына моего помянем. У нас и заночуешь.

Вечерняя песнь молодого отца

О могучий дуб! Ты чёрный! У тебя жена берёза, у тебя дубочки сыночки, а у белой берёзы дочка. Из земли ты растёшь, а в небо ветвями упираешься. Как тебе, могучий дуб, крепнуть и зеленеть, как травам под тобою цвести, так и моему сыну, этим летом рождённому, Негославом наречённому, спать да расти! Дай боже!

Солнце клонилось к закату и садилось в тёмные облака. Счастливый молодой отец Радкопел радостные песни и проговаривал заповедные родовые заклинания у святого трёхсотлетнего дуба, что раскинул свои ветви над дорогой недалеко от въезда в селение. Сегодня особая радость и особый праздник, посвятили и нарекли божьим словом первенца, здоровое дитя не заплакало, впервые увидев незнакомые лица. Добрая примета! Отпраздновали всем миром, и можно было бы молодому отцу и сейчас неспешно сидеть за столом, потягивая неспешно хмельное заморское вино, но младший брат упросил к дубу сходить на закате. «Как скроется солнце, узришь знамение!» - говорит. Гости уж разошлись, веселье в душе добром откликнулось, да и привык Радкоприслушиваться к словам братца, иногда младший на диво прозорлив был. Пошёл Радко к святому дубу, поклонился ему до земли. Уж солнце скрылось, а знамения не случилось. Хотел домой пойти, но вдруг увидел вдали на дороге всадника, что ехал к селению. Решил выждать на всякий случай, вдруг что-то интересное путник поведаёт. Может это и есть то знамение, о коем брат говорил? А был молодой путник необычный, без шапки, даже без сорочки, в одних лишь ноговицах, но на дорогом и сильном коне с богатой сбруей. Подъехав ближе, он спешился и поклонился.

- Здравствуй, добрый человек!

- Здравствуй, путник!

- А где же тот старик, что рукою мне махал?

Радко удивлённо оглянулся по сторонам.

- Я один тут.

- Да вот же он! - указал путник куда-то за спину Радко, а когда тот оглянулся, то действительно увидел вдали, у подножия высокой могилы, длиннобородого старика в светлых одеждах. Мурашки по спине пробежали, когда старик призывно махнул рукой.

- Пойдём к нему, - сказал путник, взяв коня под уздцы. Он пошёл к могиле, а Радко пошёл за ним, но вздрогнул, заметив, что возле могилы ведь никого нет, лишь большой чёрный ворон пролетел над ними, но путник этого словно не замечал. Он подошёл к обрядовому камню и поклонился. Поклонился и Радко могилам своих предков. Подошли к самой высокой могиле, где покоился прах волхва Стожара, который был прадедом Радко. И тут вдруг путник заговорил, обращаясь к кому-то, кто словно стоял перед ним. В ответ раздался тихий, но властный голос, вот только Радко не смог разобрать ни единого слова. Сумерки сгущались, умолкли птицы, ветер не шелестел листьями, проникновенный голос звучал в полной тишине.

- Ты слышишь его? Он ведь к тебе обращается! – обернулся путник.

- Я слышу голос, но ничего не понимаю...

- Он говорит, что твоему младшему брату нужно поехать в Здвижев и пойти в науку к старцу Яруну.

- А кто же он?

- Он навий, но он не назвал своего имени, а теперь его уже нет.

- Это верно мой прадед Стожар, однажды в молодости мой отец тоже говорил с ним. Пойдём ко мне домой, путник, гостем будешь! Я позову своего брата, и ты всё это ему тоже расскажешь! Да и к столу вместе присядем. Сегодня у меня великий праздник, посвятили моего первенца, Негославом нарекли!

Первые звёзды появились на небе, когда Радко с гостем вошли во двор.

- Милка! – крикнул хозяин молодой жене, подходя к дому - Поднеси гостю чашу вина заморского! Да возьми чашу не простую, а золотую! И на стол накрывай, неси всё самое лучшее!

- Тише, ты, дитя разбудишь! – красивая молодая хозяйка замахала руками на мужа, отворив двери, но затем поклонилась гостю, прижав правую руку к груди. Путник тоже успел поклониться, прежде чем она, сверкнув очами на мужа, скрылась в доме. Пока гость поил коня, а хозяин щедро насыпал овса, Милка вышла во двор, неся обеими руками массивную золотую чашу.

- Доброго Вам здоровья, уважаемый гость! – сказала она, подавая чашу полуодетому путнику. Правда, стоит отметить, во взгляде её, обращённом к мужу, читалось удивление.

- Дай, боже, счастья и здоровья Вашему дому! Дай боже! – ответил гость, прежде чем осушил чашу.

- Заходи в дом, добрый гость! Отведай хлеба и солений! – суетился Радко, но не забывал и похвастаться. – Эту чашу золотую подарил моему прадеду Стожару сам князь Роден Волк. Теперь она в нашем роду передаётся старшему сыну. Вот и Негослав когда-нибудь лучшим гостям подносить её будет.

Когда путник зашёл в светлицу и поклонился образам у печи, хозяйка уже зажгла свечу

и расставляла на столе угощение.

- Не жалея свечей, любимая! Сегодня великий праздник у нас, а мы, как могучие предки наши, за святым столом до света сидеть будем! Налей нам, Милка, полные чаши заморского вина! А ты, дорогой гость, присаживайся к столу! Сейчас выпьем с тобою, а пока ты хлеба и соли откушаешь, я за своим молодым братом схожу.

- А тебе-то уж не много ли на сегодня вина, любимый? – с холодком в голосе спросила хозяйка.

- Ох уж бабы нынче строгие! – засмеялся Радко, - Разве я горький пьяница? За здоровье первого сына сегодня пью, а гостя за диво угощаю! Он ведь только что с моим прадедом Стожаром разговаривал!

- Ой, святые рожаницы! – от испуга Милка чуть не выронила заморский кувшин с вином.
– Как же такое может быть?

- А вот скажи ей... - запнулся Радко, но в этот миг ребёнок заплакал.

- Сам налей гостю, а себе меньше! – молвила хозяйка, поставив кувшин на стол, и скрылась за ширмой.

Смущённый Радко взял в руки кувшин, налил вина гостю в золотую чашу, а потом и себе в простую глиняную. От нежной колыбельной песни, да от сладкой материнской груди ребёнок затих. Где-то вдалеке послышался скорбный вой волков, на который собаки отозвались лаем по всему селению, отчего дитя вновь расплакалось. Радко приоткрыл дверь и ругнулся на своего смиренного пса, что даже гостя и его коня встречал лишь глухим рычанием. Тот сразу же угомонился, а вскоре и ребёнок перестал кричать.

- А я ведь даже не знаю, как звать тебя! – молвил хозяин, усаживаясь к столу, и

преломил свежий каравай, подавая ароматную краюху гостю. О себе и о своём роду он уж успел рассказать по дороге к дому, но у путника даже имени не спросил. Так вот и можно прослыть невеждой.

- Звать меня Радимирь, я сын Ярволода из рода Радомысла.

- Не тот ли ты Радимирь, что вилий перстень нашёл? Сказывали, что сгинул ты... - Радко в ужасе отпрянул от гостя и передёрнул плечами.

- Живой я, как видишь, но и впрямь был за гранью нашего мира. А перстень не я нашёл, а покойный отец моей супруги.

- Угощайся, Радимирь, а я сейчас за братом схожу. Вот уж кто должен о твоих приключениях услышать!

Пока гость откушивал праздничные яства, хозяин ненадолго удалился и вернулся со своим младшим братом, безусым худощавым парнем, чья сорочка была вышита чародейским узором. Когда они присели к столу, вышла и хозяйка, безропотно налив гостю и мужу полные чаши вина, а брату мужа и себе налила квасу. Пригубив вина, Радимирь начал свой рассказ. Вначале он поведал о том, что в древние времена его древний предок Радомысл поссорился с вилиями, а почему это случилось, о том нельзя говорить. Затем рассказал, как повстречал свою суженую, и как женился, и как любил свою молодую жену, и как она ослушалась его предостережения о родовой ссоре с вилиями, и как она утонула.

- Я так любил её, что не представлял без неё жизни своей! – тихо говорил гость, а хозяйка слушала затаив дыхание.

Поведал он и о том, как нашли отца любимой и вилий перстень, как поехал к старцу Яруну, потом в Троянов, а оттуда в Карпатские горы. Там он встретил чародея, рассказавшего, как примириться с вилиями и подарил взамен перстня волшебный амулет и заговорённый турий рог.

- Отправился после того я на озеро Свитязь, где живут старейшие вилии. Чародейский амулет позволил мне пройти в их заповедный край, а туристический рог был требой на примирение. Приняли его вилии, но молодую жену не отпустили, ибо не было для неё уже дороги к солнечному свету, она ведь не по своей воле в заповедном краю оказалась, разрешили лишь на миг повидаться. - Милка беззвучно смахнула слёзы, которые потекли по её щекам, но рассказчик этого не заметил. – Встретились мы лишь на миг, но тот миг пятью годами оказался. Попросила она простить её и поклониться родной матери, а золотые кольца и обручи, которые ей на свадьбу были подарены, передать младшей сестре.

Заплакал ребёнок, Милка ушла к нему, а мужчины потянулись к жареному мясу и колбасе. После рассказа ели молча, лишь насытившись, Радко поднял вновь чашу с вином и выпил во славу предков. Тут и рассказал Радимирь младшему брату хозяина о разговоре с духом волхва Стожара.

- Я и сам давно думал об этом, но боялся, что брат меня не отпустит, он ведь после смерти нашего отца старший в роду.

- Поезжай, братец, если бы и не было знамения, я отпустил бы тебя в науку с радостью, а теперь уж мы точно знаем – таково веление самих навьев, – ответил Радко.

Когда к столу вновь вышла Милка, хозяин попросил её постелить гостю, но Радимирь отказался:

- Мне тут недолго уже ехать к отцовскому дому, к рассвету хочу там быть.

- Куда же ты поедешь в ночь? Месяца нет на небе, темень непроглядная! – удивился Радко.

- Я после того как в заповедном краю вилий побывал, ночью вижу как при свете дня, да

и конь мой необычный, ночью видит дорогу не хуже совы! – отвечал путник.

Полуночная песнь любви

День и правда выдался тяжёлым, и не только от того, что работы было много. После вечера поссорилась Зореслава с матерью. Вновь заговорила она про Радимирия, а мать её зло обругала и повелела забыть проклятого молодца. Всегда молчаливая и покорная дочь не сдержалась и стала перечить матери, отчего та ещё больше разозлилась. После ссоры обе расплакались, потом, обнявшись, примирились.

Когда мать уснула, Зореслава тихо вышла из дома и пошла к реке, к тому самому месту на берегу, напротив которого утонула сестра. Она часто приходила сюда и разговаривала с утопленницей, как, бывает, разговаривают с усопшими родичами на могилах. Сюда ж с матерью и жертвы приносили на Навский Великодень, могилки ведь не было. Впервые девушка пришла сюда тёмной ночью. Было страшно, но Зореслава переборола свой страх. Взглянув на тёмные воды, она присела на влажную от росы траву и поведала речным водам о том, что поссорилась с матерью из-за Радимирия, которая повелела забыть молодца, да ещё и проклинала его, а сердце забыть не может. Тут снова девушка разрыдалась, закрыв лицо ладонями, а когда открыла их, то вскрикнула от испуга. В реке пред ней по пояс в воде стояла сестра, её лицо и руки источали призрачный серебристый свет.

- Не плачь, любимая сестрица! Матушка любит тебя, желает тебе добра, потому и злится на Радимирия.

- Но ведь он вернётся?

- Он скоро вернётся, уже утром ты его увидишь.

- А не станешь ли ты ревновать, если он захочет жениться на мне?

- Нет, не буду я ревновать, будь счастлива с ним. Я ведь никогда его больше не увижу, и ты меня больше никогда не увидишь. Меня лишь на миг вилии отпустили, чтобы проститься с тобой.

Призрачный свет померк и сестра исчезла. Где-то вдалеке, на другом берегу, ухал филин. Сердце девушки быстро так быстро, что чуть не выскакивало из груди. Холодный страх, огонь любви и тепло надежды переплелись в едином хороводе. По небу стрелой пронеслась падающая звезда. Зореслава вновь чуть не заплакала, но смогла удержать в себе слёзы, засмотрелась на небо и стала тихо напевать заповедную волшебную песню.

Звёзды зоряницы! Вы мои родные сестрицы! А вы звёзды летите, добра молодца Радимира найдите и в мой дом принесите! Принесите его душу, принесите его тело, принесите лицо его светлое, принесите сердце его щедрое! Летите скорее, летите быстрее, как летела эта яркая упавшая звезда! Дай боже!